

Гуманитарно-педагогические исследования. 2025. Т. 9. № 4. С. 63–69.
Humanitarian and pedagogical Research, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 63–69.

Научная статья

УДК 82.091

DOI:10.18503/2658-3186-2025-9-4-63-69

Свет и тени бунинского детства: между идиллией и трагедией

Наталья Владимировна Сядристая

Академия развития бизнеса и образовательных новаций (АРБИОН), Москва, Россия, syadristaya@spbu.su

Аннотация. В статье рассматриваются концепции «детство», «свет» и «тень», а также «идиллия» и «трагедия», которые неразрывно связаны между собой в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Анализ этих концептуальных пар не просто актуален, а является ключом к пониманию философской глубины и художественного новаторства произведения. Этот роман-поток сознания, написанный в эмиграции, – не просто автобиография, а попытка воссоздать и осмыслить сам феномен человеческой жизни через призму ушедшей эпохи. Целью статьи является выявление специфики воплощения категорий идиллии и трагедии через призму детских воспоминаний героя. Подчеркивается, что образ детства у Бунина – это, в значительной степени, образ-воспоминание. В основе методологии статьи лежит комплексный подход, сочетающий биографический, структурно-семантический и сравнительно-типологический методы. В результате установлено, что память функционирует как сюжетообразующий механизм, трансформирующий личный опыт в глубокое философское обобщение о бытии. Диалектика света и тени анализируется как центральный художественный прием, формирующий поэтику и позволяющий выразить философскую глубину романа. Свет и тень рассматриваются как неразрывно связанные, как жизнь и смерть, радость и скорбь. Показано, что символика света у И. А. Бунина, в отличие, например, от нравственного ориентира у Л. Н. Толстого, обретает экзистенциальное звучание. Научная новизна статьи заключается в доказательстве взаимопроникновения, а не последовательной смены идиллии и трагедии, что формирует уникальный эстетический эффект «светлой печали», ключевого эмоционального тона романа «Жизнь Арсеньева». Полученные выводы значимы для дальнейшего изучения бунинского наследия и русской автобиографической прозы рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова: И. А. Бунин, роман «Жизнь Арсеньева», «феномен детства», идиллия, трагедия, образ-воспоминание, мотив «потерянного рая», «светлая печаль»

Для цитирования: Сядристая Н. В. Свет и тени бунинского детства: между идиллией и трагедией // Гуманитарно-педагогические исследования. 2025. Т. 9. № 4. С. 63–69, doi:10.18503/2658-3186-2025-9-4-63-69.

Original article

Light and Shadows of Bunin's Childhood: Between Idyll and Tragedy

Natalia V. Syadristaya

Academy of Business Development and Educational Innovations, syadristaya@spbu.su

Abstract. This article examines the concepts of "childhood," "light," and "shadow," as well as "idyllic" and "tragedy," which are inextricably linked in I. A. Bunin's "The Life of Arsenyev." An analysis of these conceptual pairs is not only relevant but also key to understanding the work's philosophical depth and artistic innovation. This stream-of-consciousness novel, written in exile, is not simply an autobiography but an attempt to recreate and comprehend the very phenomenon of human life through the lens of a bygone era. The article aims to identify the specific embodiment of the categories of idyll and tragedy through the lens of the protagonist's childhood memories. It is emphasized that Bunin's image of childhood is, to a large extent, an image-memory. The methodology is based on a comprehensive approach combining biographical, structural-semantic, and comparative-typological methods. It is established that memory functions as a plot-forming mechanism, transforming personal experience into a profound philosophical generalization about existence. The dialectic of light and shadow is analyzed as a central artistic device, shaping the poetics and allowing to express the novel's philosophical depth. Light and shadow are viewed as inextricably linked, like life and death, joy and sorrow. It is shown that the symbolism of light in I. A. Bunin's works, unlike the moral compass of L. N. Tolstoy, acquires an existential resonance. The scientific novelty of the article lies in its demonstration of the interpenetration, rather than the sequential alternation of idyll and tragedy, which forms the unique aesthetic effect of "bright sadness," the key emotional tone of the novel "The Life of Arsenyev." The findings are significant for further study of Bunin's legacy and Russian autobiographical prose of the turn of the 20th century.

© Сядристая Н. В., 2025.

Keywords: I. A. Bunin, «childhood phenomenon», idyll, tragedy, memory image, «paradise lost» motif, «bright sadness»

For citation: Syadristaya N. V., Light and Shadows of Bunin's Childhood: Between Idyll and Tragedy, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 63–69. (In Russ.), doi:10.18503/2658-3186-2025-9-4-63-69.

Введение

Тема детства, соединяющая сложные проблемы из области философии, этики и эстетики, является традиционной для мировой литературы. Это не просто один из многих сюжетов, а уникальная призма, через которую писатели исследуют фундаментальные вопросы человеческого бытия. К теме детства обращались такие выдающиеся личности, как Ч. Диккенс («Оливер Твист», «Домби и сын»), М. Пруст («В поисках утраченного времени»), Д. Джойс («Портрет художника в юности»), У. Голдинг («Повелитель мух»), Р. Брэдбери («Вино из одуванчиков», «Всё лето за один день»), Л. Н. Толстой («Детство»), Ф. М. Достоевский («Мальчик у Христа на елке»), С. Т. Аксаков («Детские годы Багрова-внука», «Семейная хроника»), А. П. Чехов («Детвора», «Ванька», «Спать хочется»), А. Н. Толстой, М. Горький («Детство»), В. В. Набоков («Подвиг», «Под знаком незаконнорожденных»), И. С. Шмелев («Однажды ночью», «Догоним солнце»), В. П. Астафьев («Конь с розовой гривой»), В. О. Богомолов («Иван») и др. В литературе создаются образы одиноких и бездомных детей, чьи судьбы становятся свидетельством несовершенства и порочности общества.

На рубеже XIX–XX веков детская тема становится переломной. Согласно мнению Г. А. Урунтаевой, происходит «революция в восприятии ребенка» [1, с. 3]. Это период «культурного открытия детства» в русской и мировой литературе. В связи с новыми социальными, научными и культурными веяниями писатели не просто продолжают традиции, а меняют свое отношение к образу ребенка и к периоду детства в целом, находят новые подходы к постижению феномена детства. В результате писатели (А. П. Чехов, Л. Андреев, И. А. Бунин, Н. Г. Гарин-Михайловский) устремились к исследованию истоков личности – детства человека – и открыли для себя самостоятельный, сложно организованный душевный мир. Это открытие, подготовленное еще Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским, стало вызовом для традиционной эстетики и потребовало новой поэтики, новаторского языка для воплощения детского сознания. Согласимся с С. А. Ганиной в том, что «настоящий научный интерес к проблеме детства возник лишь в середине XIX в., когда педагогика и психология всерьез занялись проблемами детского развития», а уже с конца XIX в. «детство становится универсальным феноменом, охватывающим все слои населения» [2, с. 112]. В русской и зарубежной литературе появляются сложные, глубокие и трагические детские образы.

В мировой литературе одним из главных новаторов, превративших ребенка в центрального и глубоко страдающего героя, был Ч. Диккенс. Английский писатель рисует портрет ребенка как жертвы общества. В романе «Домби и сын» (1846–1848) он задумывается не только над физическими страданиями маленького человека, но и над такой проблемой, как неправильный подход к воспитанию детей. Трагедия Пола Домби (один из самых психологически сложных образов) заключается в том, что он является не сыном, а «инструментом» для продолжения дела отца. Его меланхолия, ранняя мудрость и тихая смерть – это обвинение бесчеловечности буржуазных отношений, где нет места любви. А. В. Бабук отмечает: «Страдания мальчика, обусловленные быстрым физиологическим созреванием в результате познаваемой жестокостью буржуазных экономических отношений, приводят к тому, что детскость Пола терпит духовно-нравственный крах, что проявляется в его ранней смерти» [3, с. 23]. Парадоксально, но взрослые и в первую очередь мистер Домби Старший, пытаясь ускорить «развитие» ребенка, уничтожают в нем именно ту самую «детскость», которая является фундаментом его полноценного роста. Как замечает В. А. Бячкова, «лишенный “детской” ребенок обречен на гибель» [4, с. 99].

Появление сложных и трагических детских образов в середине XIX века в отечественной литературе стало одним из знаковых явлений, отразивших глубинные сдвиги в общественном сознании и художественных ориентирах эпохи. Этот процесс был тесно связан с утверждением реализма, обостренным вниманием к «маленькому человеку» и ростом интереса к внутреннему миру личности. Например, Л. Н. Толстой одним из первых изобразил внутренний мир ребенка как более значительный, чем мир взрослых со всей его сложностью, рефлексией и эмоциональной глубиной («Детство», «Отрочество», «Юность»); Н. А. Некрасов показал, как детство неразрывно связано с темой человеческого страдания («Крестьянские дети», «Мороз, Красный нос»); А. П. Чехов изобразил социальное неравенство, приводящее к одиночеству и страданиям детей из низших слоев общества («Ванька»),

«Спать хочется», «Детвора»). У Ф. М. Достоевского образ ребенка стал символом чистоты, невинности, беззащитности, он напрямую связан с постановкой глубоких нравственных и философских вопросов («Братья Карамазовы», «Преступление и наказание»). Так на рубеже веков детство начинает рассматриваться как самоценный этап жизни человека, ребенок – как носитель особого видения мира, а сама тема детства становится ключом к решению сложнейших философских и эстетических задач.

К концу XX века происходит изменение социального статуса ребенка: от полной зависимости от воли взрослых к отношениям, основанным на паритетности и признании прав ребенка. Как отмечает В. В. Абраменкова, «наука и общество в XX в. столкнулись с реальностью смены парадигмы в исследовательской практике – с “взрослоцентризма” на “детоцентризм”. Детоцентризм в современных представлениях является собой отношение к детству как ценности, что требует перестройки стратегии воспитания в сторону признания особых прав ребенка» [5, с. 4]. Феномен детства, утвердившийся в художественной культуре Серебряного века как устойчивая и содержательная категория, привлек пристальное внимание филологов в конце XX столетия. В настоящем исследовании он трактуется как целостная художественная реальность, выражающая понятийно-образное представление о духовных истоках личности. Выбор термина «феномен детства» обусловлен его способностью наиболее полно отразить сущность изучаемого концепта и его широким применением в гуманитарных науках. Научный дискурс по данной проблеме формируют, в частности, статья А. Заваровой «Миф о детстве...», где детство рассмотрено в общеэстетическом ключе [6]; монография И. Н. Арзамасцевой, предлагающая концептуальное осмысление [7] и др.

Тема детства продолжает активно развиваться и становиться все более значимой. В XXI веке писатели и литературоведы видят в детстве не объект для сентиментальных переживаний, а сложный культурный код. Диалог литературоведов и писателей XXI века о детстве привел к фундаментальному сдвигу. Детство перестало быть только личной историей и стало универсальной призмой. Через образ детства рассматривают глобальную травму (войны, миграции, экологические катастрофы), в нем видят модель политического неравенства и борьбы за идентичность. Детство стало языком для описания разрыва между человеком и Вселенной. Если на рубеже XIX–XX веков в детстве искали утраченный рай (И. А. Бунин, М. А. Осоргин, И. С. Шмелёв, В. В. Набоков), то сегодня в нем видят истоки апокалипсиса — личного и общепланетарного. И в этом же мире детства видят надежду: именно ребенок, его способность к сопротивлению и иному взгляду на мир, по мнению многих авторов, может стать ключом к выходу из тупиков, в которые завело человечество «здравомыслие» взрослых. Детство в XXI веке – это уже не ностальгия, а диагноз и призыв к действию. В настоящее время среди авторов, исследующих в своих произведениях тему детства, можно отметить таких писателей, как А. Кларк («Конец Детства»), П. В. Санаев («Похороните меня за плинтусом»), Г. Н. Щербакова («Мальчик и девочка»), Т. Толстая («Кысь», «Река Оккервиль», «Соня»), Л. С. Петрушевская («Свой круг», «Глюк», «Дитя»), Д. И. Рубина («Вывеска», «Во вратах твоих», «На солнечной стороне улицы»), А. В. Иванов («Географ глобус пропил», «Сердце Пармы», «Ненастье»), Саша Соколов («Школа для дураков», «Между собакой и волком»), В. Я. Тучков («Последний человек») и других.

Детство в современном мире разоблачает абсурд, жестокость, цинизм и репрессивность мира взрослых с их «здравым смыслом». Детское восприятие предлагает иной способ познания – через чувство, миф, игру, поэзию, целостное переживание, а не через логику и прагматизм. Часто выход из тупика лежит не через «взросление» и развитие, а, наоборот, через сознательный уход в «детскость», инфантилизм, безумие, что становится актом духовного сопротивления и единственным способом сохранить человеческое в бесчеловечных условиях.

Таким образом, каждая эпоха «записывает» в образ ребенка свои страхи, надежды и представления об идеальном человеке. Ребенок становится культурным символом, значение которого меняется в зависимости от запросов эпохи. Как отмечает А. М. Кусаинова, «каждый новый образ ребенка – не просто этап углубления художественного познания детства, но и специфический вид социальной проекции, отражение чаяний и разочарований взрослых. Многомерность и разнообразие детских образов в литературе или портретной живописи отражают не только прогресс художественного познания и различия индивидуальностей авторов, но и изменения в реальном содержании детства и его символизации в культуре» [8, с. 8].

Материалы и методы

Материалом исследования послужил текст романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Методологическую основу составили: биографический метод, позволивший проследить связь личного опыта

писателя с художественным миром произведения (анализ глав, описывающих детство Алексея в усадьбе); структурно-семантический анализ ключевых образов-оппозиций «идиллия-трагедия», «память-забвение», «свет-тьма», «жизнь-смерть» в первой и второй книгах романа; сравнительно-типологический метод, применённый при сопоставлении бунинской концепции детства с изображением детских лет героев в трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность».

Результаты исследования показали, что феномен детства в художественном мире Ивана Алексеевича Бунина отличается индивидуально-авторским своеобразием. Детство у писателя предстаёт не только как этап становления личности, но и как особая форма бытия, где переживания героя обретают философскую глубину, а впечатления ранних лет определяют всю последующую жизнь.

Результаты

Феномен детства в художественном мире поэта и прозаика Ивана Алексеевича Бунина отличается индивидуально-авторскими чертами. Детство у писателя не просто этап жизни, а ключ к пониманию всего мироздания, источник абсолютных ценностей и «утраченный рай», к которому постоянно устремлена память и душа человека.

Бунин переосмысливает концепцию детства, видя в нем не уже пройденный этап, а вечный исток личности. Детские и юношеские годы в его системе ценностей – это универсальный ключ к пониманию души, а их память – непреходящая духовная ценность. Мир ребенка в его творчестве, по мнению А. М. Кусаиновой, предстает универсальным явлением, чья ценность не утрачивается со временем, а сохраняется в памяти как непреходящее достояние [9, с. 8]. Согласно бунинской концепции, детство – это идеальное, гармоничное состояние, когда человек находится в полном единении с миром, природой, семьей. Это период абсолютного счастья, чистоты и наивного восприятия. Однако идиллия может быть омрачена неизбежностью бытия, хрупкий нежный мир детства может разрушиться, столкнуться с жестокой правдой жизни, с трагедией (смерть сестры Нади, разорение отца, продажа родового имения, смерть Лики).

Идиллическое начало в романе прочно связано с картинами детства, родной природы, усадебного быта и первой любви. Трагическое начало в произведении пронизывает каждый уровень повествования, существуя в неразрывной связи с красотой и радостью бытия, отчего ощущение трагедии лишь усиливается.

В художественной системе И. А. Бунина концепт детства служит смысловым узлом, в котором сходятся и образуют неразрывную связь фундаментальные категории бытия: память и забвение, жизнь и смерть, время и вечность, а также любовь к близким, природе и Родине. Все эти элементы, по мнению Е. Л. Черкашиной, пребывают в состоянии глубокого внутреннего резонанса и гармонии [9, с. 6]. Поэтому образ детства в творчестве писателя всегда в значительной степени – образ воспоминание.

Автобиографический роман-воспоминание И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» знаменует собой пик поэтизации детства как «утраченного рая», источника всей последующей творческой и духовной жизни человека. В самом большом и зрелом бунинском произведении повествование ведется от первого лица, Алексея Арсеньева. Детство в романе изображается как пора первооткрытий. Главный герой впервые познает красоту природы (...Я впервые почувствовал поэзию забытых больших дорог, отходящую в преданье русскую старину) [10, с. 70], мелодичность поэтических строк, сложность и глубину человеческих чувств. Мир видится герою огромным, загадочным и прекрасным. Алексей Арсеньев осмысливает свои детские и юношеские годы через призму воспоминаний: «В те дни я часто как бы останавливался и с резким удивлением молодости спрашивал себя: все-таки что же такое моя жизнь в этом непонятном, вечном и огромном мире, окружающим меня, в беспредельности прошлого и будущего» [10, с. 199]. Примечательно, что автор произведения акцентирует внимание на необыкновенной силе памяти, «неповторимой индивидуальности конкретного мига» [11, с. 204]: именно детские воспоминания служат основным проводником в мир ушедшей, идеализированной патриархальной России.

Как отмечает Б. В. Аверин, в романе Бунина «предмет повествования – не детство и юность Алеши Арсеньева, а воспоминание о них» [12, с. 8]. Н. Г. Бочаева подчеркивает, что через призму детских воспоминаний Бунин достигает глубоких философских обобщений о человеческой жизни: «...В центре мира детства – чувства героя – ребенка, вызванные взаимоотношениями со взрослыми, природой, окружающим миром, художественной литературой и воспоминаниями, которые живут в человеке на протяжении всей жизни» [13, с. 6]. Именно память героя становится единственным мо-

стом, ведущим обратно в «потерянный рай».

Центральный, структурообразующий мотив «потерянного рая» в романе – это не просто ностальгия по детству, а сложная и глубокая философская концепция, где рай – гармония человека с миром, утраты – закон бытия, разрушающий гармонию (взросление, смерть, разлука), память – обретение утраченного рая через образы-воспоминания.

Примечательно, что ключевой идеей повести Л. Н. Толстого «Детство» также является мифологема утраченного рая. Автор рисует образ золотого века человеческой жизни, который остается позади. Повесть строится на контрасте между безмятежным детством, полным гармонии, и последующей взрослой жизнью, где это «райское» состояние безвозвратно утрачивается. Оба писателя – наследники пушкинской традиции ясности и точности слова: через разные художественные системы исследуют фундаментальные основы человеческого существования: жизнь, смерть, любовь и место человека в вечном мире природы, уделяя большое внимание теме детства.

Важное место в творчестве И. А. Бунина занимает символика света, которая напрямую связана с детством. Диалектика света и теней в романе писателя «Жизнь Арсеньева» – это центральный художественный прием, который формирует всю его поэтику и философскую глубину. Здесь свет и тень не противопоставлены, а тесно связаны, переплетены, как сама жизнь и смерть, радость и скорбь, память и забвение. Неслучайно в первой главе бунинского романа мы встречаем такие понятия, как «начало и конец», рождение и смерть, счастье и несчастье. «Не рождаемся ли мы с чувством смерти?» – размышляет Алексей Арсеньев, который осознает собственную смертность и бренность всего сущего. «Золотой свет» детства неразрывно связан с тенью смерти. Так, одной из уникальных, индивидуально-авторских черт в прозе И. А. Бунина является взаимообусловленная диалектика света и тени. Роман «Жизнь Арсеньева» – это луч памяти, который воскрешает прошлое, чтобы тут же подчеркнуть его утрату. Главный трагизм в романе – осознание того, что все проходит.

Примечательно, что в произведениях Л. Н. Толстого категория света также занимает особое значимое место. Это не просто физическое явление, а многогранный символ, который позволяет автору раскрыть внутренний мир героя, его нравственные искания и этапы взросления. Свет у Л. Н. Толстого – нравственный ориентир героя. В автобиографическом цикле произведений писателя «Детство», «Отрочество», «Юность» свет, как ключевой художественный прием, неразрывно связан с воспоминаниями о матери. Николенька помнит ее «сухую, нежную руку», «сияющую», любящую улыбку: «Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом все как будто веселело» [14, с. 33]. Ее образ окутан сиянием доброты и нежности, которое для героя является абсолютным идеалом любви и чистоты («ее карие глаза, выражавшие всегда одинаковую доброту и любовь» [14, с. 32]). В «Детстве» комната матери Натальи Николаевны описывается как светлое, уютное и безопасное пространство. Это центр мира, источник тепла и любви. Контраст между этой комнатой и другими, более темными помещениями дома, символизирует контраст между идеальным миром детства и суровой реальностью. Смерть матери, как символа «потерянного рая» детства, абсолютной любви и безопасности, становится крушением всего мира Николеньки. Он впервые сталкивается с осознанием хрупкости счастья и невосполнимой утратой. Его детство заканчивается в этот момент. После смерти матери «свет» становится недостижимым, но память о нем служит нравственным ориентиром. Образ матери в повести «Детство» Л. Н. Толстого – нравственный абсолют, эталон доброты и человечности, на который герой будет ориентироваться всю жизнь. Ведь материнская любовь – это самое сильное и чистое чувство в жизни человека, утрата которой знаменует начало трудного пути взросления и поиска утраченной гармонии.

Интересно, что в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» диалектика света и теней также связана с образом матери: «С матерью связана самая горькая любовь всей моей жизни. Всё и все, кого любим мы, есть наша мука, – чего стоит один этот вечный страх потери любимого!» [10, с. 15]. Любовь неотделима от предчувствия разлуки.

Диалектика света и тени в творчестве Льва Толстого и Ивана Бунина представляет собой основополагающий элемент их художественных миров, однако каждый из этих авторов интерпретирует ее по-своему. Для Толстого оппозиция «света» и «тьмы» имеет в первую очередь нравственно-этическое значение: борьба света (добра) и тени (зла) разворачивается во внутреннем мире героев; они проходят путь от тьмы к свету, от заблуждения к прозрению (Пьер Безухов, Андрей Болконский в романе «Война и мир»). Этот путь может быть мучительным, но в конечном счете он ведет героев к очищению и нравственному возрождению. Для Бунина оппозиция света и тени носит экзистенциально-эстетический характер. Его диалектика сложнее и трагичнее. Эти начала – свет (жизнь) и тень (смерть) – неразделимы: свет и тень сосуществуют в каждом мгновении. При этом свет приобретает

свою ценность лишь на фоне приближающейся тени.

Заключение

Таким образом, свет и тень в романе И. А. Бунина существуют одновременно. На глубинном и непрерывном диалектическом единстве идиллии и трагизма строится всё произведение. Они не сменяют друг друга, а сосуществуют, пронизывая друг друга, создавая ту уникальную бунинскую интонацию – светлую печаль или просветленную скорбь. В «Жизни Арсеньева» свет и тень как символические приемы становятся основой бунинской философии жизни. Контраст света и тени отражает трагическую, но в то же время исполненную любви к жизни философию писателя: ценность и великолепие жизни обусловлены её конечностью. Если у Л. Н. Толстого свет был скорее нравственным ориентиром, то у И. А. Бунина свет и тень – это прежде всего экзистенциальные категории, выражющие трагическую и прекрасную сущность бытия. И. А. Бунин учит нас видеть красоту в этом драматичном единстве света и тени, находить свет даже в самой глубокой тьме.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что детство в художественном мире И. А. Бунина представляет собой не просто этап биографии, а сложный философско-эстетический конструкт, организованный по принципу диалектического единства противоположностей. Идиллическое начало, связанное с образами света, гармонии и «золотой поры», неизменно сопровождается трагическим осознанием бренности бытия, что находит выражение в символике тени.

Уникальность бунинского подхода заключается в том, что эти категории не сменяют друг друга, а пребывают в состоянии постоянного взаимопроникновения, создавая эффект «светлой печали» – ключевого эмоционального тона романа «Жизнь Арсеньева». Особую значимость приобретает категория памяти, которая выступает не только как сюжетообразующий элемент, но и как инструмент преодоления времени, позволяющий герою заново переживать утраченный рай детства. Сравнительный анализ с толстовской традицией выявил специфику бунинского метода: если у Л. Толстого свет выполняет функцию нравственного ориентира, то у И. Бунина он становится экзистенциальной категорией, отражающей трагическую природу человеческого существования. Таким образом, бунинская концепция детства может быть рассмотрена как оригинальная художественная модель, в которой личный опыт трансформируется в универсальное высказывание о фундаментальных законах бытия.

Список источников

1. Урунтаева Г. А. Психология детства в художественной литературе XIX–XX веков : монография. М. : Академия, 2001. 347 с.
2. Ганина С. А. Концепции детства в истории культуры (социально-философский и психолого-педагогический подходы) // Актуальные проблемы педагогики. Вестник Российской нового университета. 2012. № 1. С. 111–119.
3. Бабук А. В. Структура феномена детства в творчестве Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского // Веснік Гродзенскага дзяржжаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2015. № 3(200). С. 50–60.
4. Бячкова В. А. Смерть ребенка как сюжетный ход в викторианском романе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 3. С. 96–110.
5. Абраменкова В. В. Ценность детства в современном мире и образовании : монография. М. : ФГБНУ «ИИДСВ РАО», 2019. 232 с.
6. Заварова А. Миф о детстве: Осмысление детства в искусстве конца XIX-начала XX в. // Детская литература. 1994. № 3 (май-июнь). С.71–74.
7. Арзамасцева И. Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов. М. : Прометей, 2003. 404 с.
8. Кусаинова А. М. Тема детства в современной литературе и творчестве Герольда Бельгера : монография. Костанай : Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2020. 86 с.
9. Черкашина Е. Л. Образ детства в творческом наследии И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. М. : МГГУ им М. А. Шолохова, 2009. 153 с.
10. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Иван Бунин. Москва: Эксмо, 2025. 384 с.
11. Мальцев Ю. И. Бунин. М. : Изд-во Посев, 1994. 432 с.
12. Аверин Б. В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: поэтика воспоминания // И. А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. СПб. : Изд-во «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург)». 2001. С. 1–27.
13. Бочаева Н. Г. Мир детства в творческом сознании и художественной практике И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1998. 150 с.

14. Толстой Л. Детство. Отрочество. Юность. М. : Альпина Паблишер, 2023. 368 с.

References

1. Uruntaeva G. A. *Psikhologiya detstva v khudozhestvennoi literature XIX–XX vekov* : monografiya, Moscow, Akademiya, 2001, 347 p. (In Russ.).
2. Ganina S. A. Kontseptsii detstva v istorii kul'tury (sotsial'no-filosofskii i psikhologo-pedagogicheskii podkhod), *Aktual'nye problemy pedagogiki. Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta*, 2012, no, 1, pp. 111–119. (In Russ.).
3. Babuk A. V. Struktura fenomena detstva v tvorchestve Ch. Dikkensa i F. M. Dostoevskogo, *Vesnik Grodzenskogo dyarzhaýnaga ýniversitehta imya Yanki Kupaly. Seryya 3. Filologiya. Pedagogika. Psichologiya = Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 2015, no. 3(200), pp. 50–60. (In Russ.).
4. Byachkova V. A. Smert' rebenka kak syuzhetnyi khod v viktorianskom romane, *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2019, vol. 11, no. 3, pp. 96–110. (In Russ.).
5. Abramenkova V. V. *Tsennost' detstva v sovremennom mire i obrazovanii* , monografiya, Moscow, FGBNU «IIDSV RAO», 2019, 232 p. (In Russ.).
6. Zavarova A. Mif o detstve: Osmyslenie detstva v iskusstve kontsa XIX-nachala XX v., *Detskaya literature*, 1994, no. 3 (mai-iyun'), pp. 71–74. (In Russ.).
7. Arzamastseva I. N. «*Vek rebenka*» v russkoi literature 1900–1930 godov., Moscow, Prometei, 2003, 404 p. (In Russ.).
8. Kusainova A. M. *Tema detstva v sovremennoi literature i tvorchestve Gerol'da Bel'gera*, monografiya. Kostanai, Kostanaiskii filial FGBOU VO «Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet», 2020, 86 p. (In Russ.).
9. Cherkashina E. L. *Obraz detstva v tvorcheskem nasledii I. A. Bunina*, dis. ... kand. filol. nauk, Moscow, MGGU im M. A. Sholokhova, 2009, 153 p. (In Russ.).
10. Bunin I. A. *Zhizn' Arsen'eva*, Moscow, Ehksmo, 2025, 384 p. (In Russ.).
11. Mal'tsev Yu. I. *Bunin*, Moscow, Izd-vo Posev, 1994, 432 p. (In Russ.).
12. Averin B. V. Zhizn' Bunina i zhizn' Arsen'eva: poehtika vospominaniya, *I. A. Bunin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Iva-na Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei*, Saint Petersburg, Izd-vo «Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya im. F. M. Dostoevskogo (Sankt-Peterburg)», 2001, pp. 1–27. (In Russ.).
13. Bochaeva N. G. *Mir detstva v tvorcheskem soznanii i khudozhestvennoi praktike I. A. Bunina*: dis. ... kand. filol. nauk, Elets, 1998, 150 p. (In Russ.).
14. Tolstoi L. *Detstvo. Otrochestvo. Yunost'*, Moscow Al'pina Publisher, 2023, 368 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Сядристая Н. В. – магистр филологии, учитель русского языка и литературы, Академия развития бизнеса и образовательных новаций (АРБИОН).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Syadristaya N. V., Master of Philology, Teacher of Russian Language and Literature, Academy of Business Development and Educational Innovations.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025;
принята к публикации 15.10.2025.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 10.10.2025;
accepted for publication 15.10.2025